

УДК-321.02

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ИНТЕРНЕТА

С.Н. Федорченко¹

В статье анализируется роль политических идентичностей в социальных сетях Интернета. Автор, отталкиваясь от концепта фронта, выступает против жёсткого разделения онлайн- и офлайн-политики, рассматривая становление сетевых политических идентичностей в ракурсе наложения процесса виртуализации политического сегмента и встречного процесса социализации Интернета. Изучая переход абсентеистов в социальные сообщества на фоне метаморфозы институтов партий и парламентаризма, автор определяет современное государство в качестве активного дизайнера провластных сетевых политических идентичностей. Рассматриваются некоторые механизмы конструирования сетевых идентичностей. В работе уделено определённое внимание рискам сетевой манипуляции и феномену появления авторитарного политического симулякра. Параллельно в статье поднимается вопрос вариативности моделей политики идентичности в условиях параллельных процессов демократизации и архаизации сетевых сообществ. Для эмпирического доказательства концептуализации явления сетевой политической идентичности автор обращается к данным своего недавнего проекта глобального исследования политизации социальных сетей.

Ключевые слова: сетевая политическая идентичность; фронт; государство; социальные сети; Интернет.

Активное воздействие научно-технического прогресса на общество вносит свои коррективы в развитие политического универсума. Наиболее отчётливо это проявляется в коммуникационном сегменте, эволюция которого позволяет говорить об offline-и online-политике. Сложившиеся политологические школы изучают подобный феномен через призму социальных сетей. Немецкая управленческая школа (Т. Бёрцель) старается осмыслить сети онтологически как уже обычный механизм политического взаимодействия. Англосаксонская школа посредничества интересов (Р. Роудс, Д. Марш) сосредоточилась на гносеологии, рассматривая сеть в качестве методологической абстракции, объяс-

¹ Федорченко Сергей Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета. E-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru.

няющей неформальное посредничество между политическими акторами. Сетевой подход к политике стал разрабатываться и в трудах российских учёных (Л.В. Сморгун, А.А. Курочкин, О.В. Михайлова и др.).

Примечательно, что сетевые исследования в основной своей массе посвящены праксису политических сетей, тогда как отдельные авторы справедливо обращают внимание на то, что сетевой подход способен на большее – помочь осознать более широкие отношения между частной и публичной сторонами социальной активности людей [17]. Неслучайно М. Кастельс в своих книгах придерживается принципа фундаментальной трансформации информационного общества в сетевое. Действительно, недавние отечественные исследования подтвердили наличие связи между offline- и online-образами политики [21, 12–24], поэтому рассматривать конфигурации offline-политических сетей в полном отрыве от их виртуальных аналогов является серьёзным и рискованным ограничителем для современного политолога.

В качестве исследовательской проблемы можно определить нерешённость вопроса взаимодействия offline- и online-политических процессов, наложение которых, согласно авторской гипотезе, и формирует механизм конструирования политических сетевых идентичностей. Но для того чтобы прояснить этот вопрос, в методологическом плане необходимо воспользоваться сравнительным анализом двух базовых процессов – виртуализации общества и социализации Интернета, без исследования которых невозможно достигнуть цели – понять причины возникновения такого феномена, как политические идентичности в Интернете. Дополнительным подспорьем для исследования станет контент-анализ сообществ социальных сетей, на базе которых, по предположению автора, конструируются и воспроизводятся сетевые политические идентичности. Данные контент-анализа, а также пояснение применения самого метода будут взяты из итогового отчёта авторского проекта «Глобальное исследование политизации социальных сетей» (1-я волна) и представлены в заключительной части работы.

Voxpopuli?

Виртуализация общества и политики предполагает замещение реальных социально-политических явлений и процессов анонимным оперированием виртуальными образами. Благоприятные условия для этого перехода создаёт стремительное развитие социальных сетей Интернета, открывающих поистине впечатляющие горизонты для вариаций символической политики. Актуальность online-образов последней определяется важностью таких вопросов, как создание инвестиционно-привлекательного имиджа государства, проведение эффективного бренд-позиционирования партии, политического движения, государственного ведомства или государственной корпорации. Формирование доверия по отношению к этим акторам имеет немаловажное значение для

электоральных предпочтений целевых аудиторий и состояния общественного мнения в целом. Всевозможные экспертные и политико-консалтинговые структуры отчётливо осознают значение виртуализации политики и стараются извлечь из этого непосредственную выгоду. Вместе с тем стоит учитывать и каузальный портрет виртуализации политической сферы, связанный с определённой метаморфозой классических идеологий, парламентаризма и глубоким перерождением партий. Трагедия современных партий отчасти связана с энтропией её артикуляционной функции, означающей представительство интересов гражданских групп в выборном институте, например, парламенте. Тем самым сомнению подвергаются прежние идентичности. И в самом деле, политическая партия стала больше сближаться с властными элитами, завися от государственного финансирования и понимая ограниченность прежней схемы членских взносов. В идеологическом плане происходит не менее драматичный сценарий – в ходе процесса картелизации партии отходят от известных идеологических моделей и превращаются в так называемые «всех-лови-партии» (по сути – электоральные машины), которые заинтересованы в расширении своей целевой ойкумены. Здесь, прежде всего, очевидно влияние в политике трендов постмодерна [2, 54–58], когда партии, политические лидеры и государственные деятели обращаются в своём дискурсе к политической мифологии, сочетающей элементы прежних идеологий и новых ценностных картин мира. Иными словами, скорее, логично говорить не о тотальном кризисе идеологий, а об их поразительной метаморфозе в более абстрактные политические мифологемы, начинённые стереотипами, богатым аксиологическим букетом и подчинённые целям электоральных машин.

Ответной реакцией граждан на перерождение политических партий в электоральные машины и появление всё более популистских политических мифологем становится не только абсентеизм. Если гражданин остаётся политически активным, но недоволен существующими политическими институтами, не учитывающими его мнения при разработке властных решений, то он будет стремиться найти альтернативные арены для презентации собственной точки зрения. Освобождаясь от прежней идентичности, он переходит к самоидентификации. Своеобразным *vox populi* (гласом народа) и становится виртуализация политики, когда абсентеисты, уходя в вирт, пытаются через социальные сети найти ближайших сторонников, организовывают политические акции и консьюмеристские движения, создают оппозиционные сетевые партии (например, «пиратские») на горизонтальных принципах управления. Постмодернистское недоверие к изменившимся идеологиям, партиям и государству на фоне распространения всевозможных конспирологических мифологем и прямых информационных фальсификаций порождает «новое макреккерство», когда граждане (теперь уже активные интернет-пользователи) используют социальные сети для обсуждения политической повестки дня и защиты своих интересов, фактически превращая собственные аккаунты социальных сетей в

новые медиа. Интернет-активизм «новых макрекеров», выросший благодаря удобному коммуникационному интерфейсу социальных сетей Интернета, прямо противоположному бюрократическим рогакам и строгим протоколам секретности [10, 56–75], способствовал повышению интереса общества к так называемым «неизбранным представителям» – известным учёным, писателям, музыкантам, актёрам, спортсменам, художникам, ведущим блоги и высказывающимся на актуальные политические темы. Уникальной чертой «мониторной демократии» становится более широкое обсуждение тех вопросов, которые раньше не считались политическими. Ещё одной особенностью постмодерна стало зарождение новых форм политической активности – флэшмобов. Эти политические акции, организуемые через сетевые коммуникации активистами-мобберами, больше нацелены не на построение альтернативной партиям модели представительства, а на привлечение внимания общественности и, конечно, власти, к существующим проблемам в социуме.

Откровенная романтизация электронной Агоры интернет-активистами, общественными деятелями и отдельными представителями научного сообщества поставила государство перед выбором – с подозрением относиться к виртуализации политики и по возможности препятствовать появлению альтернативных политико-коммуникационных арен граждан, обходящих партии и парламент, либо игнорировать их как нерелевантных для политической системы, либо, наконец, попробовать приспособиться под данный мейнстрим. Показательны в этом контексте на шумевшие идеи Ж.-М. Гуэнно, сравнившего в своей книге сеть с демократией [22]. По его мнению, матрицей новой политики становится не контроль над территорией, а участие в сети. Он утверждает, что сеть может эффективней выполнять функцию демократического представительства, так как именно в сети происходит фрагментация каждой социальной проблемы, настраивается процесс бесчисленных микрорешений, невозможный для национального государства модерна. С Гуэнно можно отчасти согласиться – часть стран учли виртуализацию политики и стали переходить на парадигму e-government (возникло даже несколько моделей электронного правительства – англо-американская, континентально-европейская и азиатская со своей спецификой). Облегчению взаимодействия государства с гражданами подчинены задачи и отечественного портала gosuslugi.ru. Вместе с тем подобная односторонняя романтизация виртуальной среды оставляет за рамками те вызовы для современных политий, без которых не может сложиться полной картины взаимопроникновения сети и политики.

Краеугольным камнем роли социальных сетей является проблема уровня свободы коммуникации и дискурса. Конечно, государство и стоящие за ним элиты стремятся адаптироваться под тренды виртуализации политического сегмента вовсе не из-за альтруистических соображений, причина довольна утилитарна – желание сохранить и упрочить свою власть. Следовательно, объективная критика гиперболизации важности социальных сетей в политической

коммуникации не должна исключать возрождения из пепла авторитарных и даже тоталитарных управленческих инструментов в условиях формально сохраняющихся демократических институтов. Возведение подобного рода и незаметного, на первый взгляд, паноптикума может вполне основываться на механизмах социальных сетей Интернета, куда уже давно проникла символическая политика, всё более становящаяся материалом для различных манипуляций при условии низкой политической грамотности граждан.

Появление online-образов политики таит в себе серьёзную опасность искажения offline-образов политики. В своё время Бозций анализировал личный статус человека, подразумевая под *persona* индивидуальную субстанцию разумной природы и отделяя понятие персоны от маски, служившей в комедиях и трагедиях для представления отдельных людей (лат. *persona* от *personare* – громко звучать) [16, 52–59]. Личность человека прочно увязывалась Бозцием с его социальной ролью, необходимостью социальной игры и неизбежностью соответствующих масок (вспоминается «театрокрация» Платона). Лоренцо Валла не случайно упрекал Бозция за это театрализованное допущение. Определение маски в виде личины, временно носящейся индивидом, предполагает принцип смены персоны, маскарад масок, подмену реальности иллюзией. В настоящее время постепенное развитие в западных странах парадигмы атомизированного общества, состоящего из индивидов-атомов, подошло к своему логическому результату (но пока не финалу) – аккаунту и боту.

Аккаунт стал стационарным образом человека в виде его учётной записи с совокупностью данных о пользователе, необходимых для его распознавания в социальных сетях. Интересен в этой связи случай селфи: если с эпохи Средневековья до настоящего периода в общество посредством искусства транслировались лишь отдельные образы представителей властной элиты, то с распространением социальных сетей политики дали рядовым гражданам красивую иллюзию устранения данного эстетического зазора, подогреваемого желанием слияния простых людей с образами элиты. Итог неутешительный – вместо демократизации и реального уменьшения социального разрыва между элитой и обществом появляется эффект «карнавализации сознания». Усиливается коммодификация, при которой сам образ человека превращается в сетевой товар (например, по данным Американской академии лицевой пластической и реконструктивной хирургии в 2013 г., пациенты в одном из трёх случаях решались на пластическую операцию именно для улучшения собственного облика в социальных сетях [11, 73–83]). Бот же представляет программный эквивалент робота, выполняющего в социальных сетях роль наших более активных агентов и двойников [5, 88–97], чем аккаунт. Боты связываются с другими ботами, образуют контакты, имитируя поведение живого человека. Данные цифровые клоны являются фильтрами, пропускающими для реального человека только ту информацию, которую он физически может усвоить.

Голландский политический философ Ф. Анкерсмит критикует Ж.-М. Гуэнно за его излишнюю идеализацию прогрессорской роли сетей в демократическом обустройстве мира. Мыслитель в своей книге «Политическая репрезентация» призывает полностью не сбрасывать со счетов традиционный представительный институт партий и не поддаваться соблазну перевести политику на сетевые принципы работы [1, 227–235]. Анкерсмит разумно усматривает в сетях антидемократическую склонность к солипсизму – замкнутость на собственных проблемах, параллельно предостерегая о рисках возникновения режима экспертократии. Австралийский политолог Дж. Кин подходит к этому вопросу с другой стороны, ставя под сомнение равнозначность коммуникационного изобилия и демократизации. Автор приводит основательные доводы в защиту концепта декаданса медиа, согласно которому последние создают благоприятный фон для концентрации изворотливой и неограниченной разновидности власти, затрудняя процедуры общественного контроля. Органичными признаками этого декаданса по Кину выступают [10]: избыточная зависимость медиа от англоязычных источников; большое влияние медиамагнатов (например, Р. Мердока), олигополии медиаконгломератов; вирусная культура мэшапа, основанная на интернет-мэмах (победа Трампа в США на президентских выборах это хорошо доказывает); хакерство; сетевой флейм (агрессивное поведение пользователей); появление «сплинтернета» (фрагментация сетевых сообществ по типу «эхо-камер», где отражаются лишь конкретные мнения, а также воспроизводство закрытых сетевых сообществ, поддерживаемых коммерческими разработчиками для постоянного включения граждан в корпоративную экосистему с заранее подобранными гаджетами, продукцией и контентом); усиление практики «принципа Майнота» (сокрытия информации от граждан) и «эффекта Расёмона» (техники формирования отстранения граждан от политически значимых проблем) и т.п.

Как видно, пресловутый *vox populi* через социальные сети не стал лучшей альтернативой переродившихся партий. В этом смысле теоретические разработки Ж. Бодрийяра [3, 22–23] хорошо объясняют потенциальные риски виртуализации политики. Исходя из модели французского мыслителя, *offline*-образ политики, проникая в социальные сети, обретает новый *online*-образ, уже искажающий и маскирующий прежнюю реальность. Затем происходит подлог политического явления, прикрытие отсутствия *offline*-образа политики. В итоге новый конструкт не имеет отношения к какой-либо реальности, являясь собственным политическим симулякрот. Получается, что вместо равноправной и справедливой электронной Агоры граждане могут столкнуться с новым типом политических манипуляций, деструктивными технологиями информационных войн и «цветных революций». Поэтому в соотношении политического и виртуального требуется менее романтизированный и более прагматичный подход, ориентированный на анализ того, что за многими этими процессами стоит определённая основа – политическая идентичность, не те-

ряющая своей актуальности на фоне стремительного развития социальных сетей Интернета.

Сеть, идентичность и политика

Идентичность, в определённом смысле, выполняет миссию маркера, способного помочь разобраться в довольно сложной палитре виртуализации политики. Как правило, под политической идентичностью понимается комплекс идейно-политических предпочтений и ориентаций, который выбирают для себя субъекты политического процесса во время коммуникации. Носитель политической идентичности ассоциирует себя с определённым политическим сообществом, при этом политическая идентичность окончательно утверждается во время взаимодействия с политическими институтами и воплощается в публичной практике. Немаловажной является и политика идентичности, которая связана с конструированием механизмов легитимации власти посредством сборки новых политических идентичностей, не исключаяющей технологии разрушения архаичных политических идентичностей и отхода от прежних механизмов легитимации власти [18, 164–180]. Мощным источником политики идентичности может быть государство (или другие субъекты политического процесса), нацеленное на формирование и воспроизводство гражданской, национальной и иных типов политической идентичности. Сама политика идентичности пересекается с такими областями, как политическая культура, аксиология, мифология, сближаясь с политической семиосферой и символической политикой.

Жанр сравнительного метода диктует свои компаративистские правила, поэтому логично сопоставить характерные особенности процесса виртуализации со спецификой другого процесса, без которого невозможно понять каузальные механизмы сетевых политических идентичностей. Начать следует с того, как заметила профессор С.В. Тихонова, что кроме виртуализации общества имеется и обратный процесс – социализация Интернета, в ходе которой виртуальные образы обогащаются реальными, персонифицированными социальными связями. Действительно, персональные аккаунты социальных сетей предлагают пользователям указывать их политические предпочтения, этническую и религиозную принадлежность. Персональные данные аккаунта включают любимую литературу, кинопроизведения, цитаты известных личностей, что также не исключает увязку с политической проблематикой. Тихонова отмечает, что на наших глазах происходит своеобразное сближение традиционной offline-коммуникации между реальными живыми людьми с online-коммуникацией в социальных сетях [17, 138–152]. Спрос на «живое общение», по её мнению, объясняет высокий уровень количества и достоверности персональных данных аккаунтов, так как именно признаки подлинности личной информации служат сигналом о реальном прототипе online-образа. Интернет

адаптируется к потребностям людей в сохранении прочных социальных связей. Характерным признаком связи людей с их сетевыми аккаунтами и ботами стал фактор привязки личных профилей к номеру мобильного телефона, который, в свою очередь, предполагает договор о продаже SIM-карты с указанием конкретных паспортных данных гражданина.

Проникновение в социальные сети Интернета ценностей существующих политических культур, возникновение на основе этого новой политической мифологии, распространённых стереотипов и устойчивых паттернов имеет свой «эффект бумеранга». Часть ценностных компонентов искажается, часть закрепляется, формируя сетевые политические идентичности, которые оказывают воздействие на offline-политические идентичности. В результате реальные люди получают сведения об окружающем мире благодаря виртуальным образам государства, политиков, религий, этносов, партий, общественных деятелей. Зависимость offline-образов политики от их виртуальных аналогов подтверждают и данные отечественных исследований [21]. Другими словами, сближение offline- и online-образов политики в социальных сетях создаёт среду для воспроизводства сетевых политических идентичностей.

Дополнительным условием формирования и устойчивости сетевых политических идентичностей является предрасположенность самих властных элит к сетевым оптикам управления. А.И. Соловьёв утверждает, что легитимация властных структур, снижение активности конкурентов, установление сбалансированных коммуникаций с обществом, стиль и характер деятельности органов управления, в конечном счёте, определяются сетевыми ассоциациями правящей элиты, устанавливающими негласные договорённости на период осуществления государственной политики [15, 90–108]. Сетевые принципы правящего режима, согласно Соловьёву, определяют набор его специфических способностей: интерпретации представления об общественном благе; присвоения решаемым проблемам конфиденциального статуса; установления условий гражданского участия, создания идейно-символических образов, легитимирующих власть; предоставления сетевым ассоциациям политической элиты рычагов для контроля за государственными институтами, укрепления ценностей правящих слоёв. Итак, даже самый поверхностный сравнительный анализ хорошо показывает, что механизм взаимодействия offline- и online-политических процессов определяется сетевым праксисом некоторых реальных социальных структур, властных элит и виртуальных платформ.

Обычные схемы политического представительства, по мнению Соловьёва, переходят в формат легитимации социальных сетей, окружающих политических лидеров. Тем самым элитные сети нацелены на упрощение институционального дизайна через методы attention management (управления вниманием), что вполне соотносится с постдемократическим трендом фатизации социальных сетей [5], когда интерфейс последних ориентируется на закрепление простых (даже примитивных и вульгаризованных) и устойчивых фатических

образов, связывающих целевые аудитории. Примером генератора фатических стереотипов является Википедия. Как видно, элитный уровень также не противоречит, а скорее благоприятствует сближению offline- и online-политик.

Сетевые политические идентичности возникли на подготовленной для них матрице. Не так давно появились работы, где предпринимаются попытки концептуализации понятия «сетевой фронтир», который означает подвижную границу территории контакта, взаимопроникновения и взаимодействия социально-культурных практик сетевого и традиционного общества. Концепт сетевого фронта помогает лучше понять каузальный механизм образования политических идентичностей в Интернете, т.к. в его формат хорошо вписываются результаты других отечественных исследований [17, 138–152] о первичной виртуализации общества (Д.В. Иванов) и ответной социализации Интернета (С.В. Тихонова). Подобное означает, что сравнительный метод даёт возможность не просто сопоставить специфику двух названных процессов, но и способствует осознанию их места, роли и последовательности в конструировании сетевых политических идентичностей.

Подобный фронтир прошёл определённые эволюционные ступени своего развития [12, 83–97]. Вначале (1999–2008 гг.) на основе бурного развития платформ LinkedIn, Myspace, Facebook, YouTube, ВКонтакте, Twitter возник переход offline- в online-политику (анализируемый раньше процесс виртуализации общества и политики), и появились сами сетевые сообщества. И, хотя чётких политических идентичностей в сети тогда и не сложилось, всё же произошёл некоторый «распад политики», когда при пассивном отношении власти к виртуализации социальных отношений возникшие интернет-сообщества нарушили доминирующий принцип национального государства в сборке идентичностей.

На втором этапе (2008–2014 гг.) трансформации сетевого фронта значительно выросла доля информационного контента, порождающего новый контент в рамках появления Интернета следующего поколения (Web 1.0 был нацелен на профессиональное создание контента, в то время как Web 2.0 стал ориентироваться на возрастание роли контента, создаваемого силами самих пользователей [17]). Наметился обратный переход online- в offline-политику (описываемая ранее социализация Интернета). Всё это спровоцировало не только усиление феноменов краудсорсинговых проектов обсуждения законодательства, «нового макреркерства», народной дипломатии и гражданской журналистики, но и дало в руки политтехнологов новый инструментарий для подготовки государственных переворотов по типу «цветных революций» (события «арабской весны», «оранжевая революция» и «евромайдан 2.0» на Украине, «тюльпановая» и «дынная» революции в Киргизии, «революция роз» в Грузии, попытки «цветных революций» в Белоруссии, Молдавии, Монголии, Китае, Армении и других странах являются очевидным доказательством этих трендов). Понятно, что этого не произошло бы, если на втором этапе развития

сетевого фронта не появились бы «поля тяготения» в виде соответствующих виртуальных сообществ, активно впитывающих ценности offline-политических идентичностей. Кстати, даже ризома, как нелинейный и не-иерархический вариант сетевой коммуникации, по предположению Ж. Делёза и Ф. Гваттари, не исключают принцип «плато» – зон устойчивости ризомных сетей, где сходятся их связи [8, 15–19]. Выявленные французскими учёными плато могут рассматриваться и в качестве специфических матриц, создающих сетевые политические идентичности. Примером таких плато могут служить описанные Н. Больцем «стори» – медиасобытия [5], образующие связи в сетях для обеспечения устойчивого внимания граждан. Следует заметить, что на втором этапе развития сетевого фронта государства уже стараются приглядываться к развитию сообществ социальных сетей с их политической ориентацией.

Третий этап эволюции сетевого фронта (2014 г.–по настоящее время) отличается от предыдущих тем, что формируются более отчётливые сетевые политические идентичности, поэтому государство старается занять активную роль в интернет-коммуникациях, влиять на эту сферу через инструменты цензуры и законодательства (достаточно вспомнить отечественный федеральный закон №97 от 2014 г. – «Закон о блогерах») [12]. Государственные ведомства, связанные с информационной сферой и обеспечением безопасности, на этом этапе вынуждены учитывать особенности сетевого фронта – подвижные границы, высокую степень мобильности и непостоянство населения, особенности управленческих процессов в сети и т.п. Большое значение приобретает и явление «сетевых фронтёров» – пользователей, характеризующихся клиповым мышлением и подверженных идеализации стереотипов, мифологем и ценностей. В борьбу за контроль над информационными рычагами сборки сетевых политических идентичностей всё больше вовлекаются партии, этнические и религиозные группы, секты, зарубежные страны и транснациональные интересанты, террористические и экстремистские организации. Цена победы в такой борьбе достаточно высока. Вот почему современное государство и его властные элиты ориентированы на управление процессами легитимации и делегитимации посредством конкретной политики идентичности и сетевого фронта.

Механизмы сборки сетевых политических идентичностей достаточно разнообразны. Д.М. Воробьёв, вводя терминологию «социального адреса власти» [6, 62–64], предположил, что отдельная часть социума всегда способствует распространению политического влияния государства как по вертикали, так и по горизонтали, становясь «носителем легитимности», обладающим такими свойствами, как сплочённость, организованность, высокая активность и численность, ориентация на ценности охраны и жертвенности. Такое видение проблемы объясняет актуальность запроса на конструирование государством сообществ социальных сетей, лояльно настроенных по отношению к суще-

ствующему порядку. Предположение Воробьева отчасти пересекается с описанным выше сетевым фронтиром и идеей «пограничных структур» Д. Гастона, рассматривающего особенные системы (экспертные центры, государственные службы), работающие на легитимацию «пограничных» объектов. Концептуализация феномена сетевой политической идентичности заставляет отвергнуть заблуждение «Декларации независимости киберпространства» Дж. Барлоу о том, что децентрализованные сети якобы по своей природе неподвластны политическому контролю. Напротив, Н. Карр приводит весомые доказательства, что в ходе слияния различных частей Интернета в единые информационные базы данных появились уникальные условия для создания мощной и одновременно гибкой модели управления гражданами [9; 20].

Ценностная сборка политических идентичностей в социальных сетях возможна благодаря эффекту центрирования сети. Дело в том, что современный Интернет предполагает лишь иллюзию свободы и независимости сетевых фронтёров, вместо этого киберпространство фрагментируется на центральные узлы, производящие новый и уникальный контент, а также контролирующие информационные потоки и политико-новостную повестку дня. Ими могут являться не только новостные агентства, но и блогеры, участники сообществ социальных сетей. Однако количество периферийных узлов априори превышает объём центральных. Периферийными узлами выступают те сообщества социальных сетей, новостные агентства и блогеры, которые лишь пользуются уже созданным контентом [14], в конце концов, возникает цифровое неравенство. Государство (или другой политический актор), конструируя необходимые сетевые идентичности, опирается на «прецессию симулякров» [13, 69–103], когда создаваемые властью и её медиа симулякры предшествуют реальным политическим событиям, а сама реальность заменяется кодами и знаками. Фрактальный характер сетевого пространства, его асимметричность, нестабильность, неполноценность контента со временем возвращает фронтёров к этим огням Прометея – символическим ориентирам, зажигаемым государством. С. Лэш прямо пишет, что современная постгегемонистская власть провоцирует создание сетевых культур через распространение специфических алгоритмов взаимодействия граждан в социальных сетях [23]. Помимо использования фрактальности сетевого поля, государство может практиковать технологию фреймирования политического пространства, воспроизводя нужные себе стереотипные рамки метакоммуникационного определения ситуации для сетевых фронтёров («образ врага», «образ союзника» и др.).

Архаика versus демократия

Сетевой фронтир – место, где сталкиваются две парадигмы политики идентичности. Их можно приблизительно описать не только в рамках перекрывающихся друг друга процессов виртуализации общества и социализации

Интернета, но и наложения не менее интересных трендов – демократизации и архаизации его социальных сетей. Автором данной статьи в декабре 2015–январе 2016 гг. был инициирован научный проект «Глобальное исследование политизации социальных сетей» на базе кафедры политологии и права Московского государственного областного университета [19], по итогам 1-й волны которого были выявлены основные сетевые политические субкультуры на основании отношения фронтьеров к власти. Результаты этого проекта разумно взять в качестве эмпирической матрицы объяснения каузальных механизмов конструирования политических сетевых идентичностей, т.к. одного лишь сравнительного анализа специфики процессов виртуализации общества и социализации Интернета будет явно недостаточно.

Стоит прояснить оптику глобального проекта, целью которого было выяснение уровня наиболее политизированных узлов в топовых социальных сетях. Цель определила палитру исследовательских задач:

- поиск провластных, патриотически ориентированных сообществ популярных социальных сетей;
- обнаружение социальных узлов, умеренно оппозиционных по отношению к политическому режиму;
- выявление социальных сообществ Интернета, радикально настроенных к действующей власти.

Крупный масштаб исследования обозначил учёт политико-географического принципа, посредством которого была проведена предварительная кластеризация стран мира по следующим группам: Западно-европейский (ФРГ, Франция, Испания, Италия, Швеция и Люксембург), Англосаксонский (США, Великобритания, Канада, Новая Зеландия и Австралия), Латиноамериканский (Аргентина, Бразилия, Мексика, Перу, Колумбия, Коста-Рика и Венесуэла), Азиатский (КНР, Южная Корея, Саудовская Аравия, Иран, Иордания и Сирия) и Африканский (ЮАР, Египет, Марокко, Кения, Нигерия, Кения и Тунис) кластер.

В проекте использовалась методология контент-анализа социальных сетей, апробированная автором в его более ранних исследованиях. Метод исходил из того рабочего предположения, что политизация сообществ социальных сетей зависит от наличия/отсутствия интереса их участников к той или иной политической теме. Обнаружение политизированного контента происходило с помощью распространённых политических хэштегов, в которых перекликались различные политизированные слова: «политика», «власть», «государство», «патриотизм», «демократия» и т.п. на языках, наиболее распространённых в социальных сетях исследуемых стран. Далее объём политизированного контента по тегам определялся путём подсчёта количества крупнейших активных политизированных сообществ по каждому из ключевых слов. Выяснялось, в каких социальных сетях было представлено наибольшее количество узлов с политизированным дискурсом. При окончательном определении уров-

ня политизированности сетей в том или ином кластере стран применялся принцип ранжирования, когда учитывались следующие признаки: большой объём политизированных сетевых узлов, активность в них и наиболее обсуждаемые политические темы. На основании этих признаков социальным сетям в конкретном кластере стран присваивались баллы, далее вёлся подсчёт. По завершению анализа, исходя из портретов сетевых субкультур, были определены приблизительные сетевые политические идентичности (провластная, оппозиционная и радикальная).

Результаты авторского проекта показали, что современные демократические государства сталкиваются с новыми вызовами архаизации и даже радикализации политизированных сообществ социальных сетей. В западноевропейском кластере наиболее политизированными оказались сообщества следующих социальных сетей: Twitter (в 6 из 6 стран кластера), Facebook (в 5 из 6) и YouTube (в 2 из 6). 38% социальных сообществ здесь ориентированы на поддержку провластных, патриотических сил, 58% - оппозиционных, а 4% - радикальных. Например, крупнейшие радикальные политические идентичности были обнаружены в сетевых сообществах Италии и Германии (с одной стороны, неофашистские, неонацистские, с другой – исламистские) [19, 57–67]. Красноречивым примером радикализации политических идентичностей в европейском Интернете является немецкая «Пегида», которая прибегала к мобилизации антиисламски настроенных граждан посредством платформ Facebook и Twitter. В кратчайшие сроки численность сетевого сообщества «Пегиды» в Facebook достигла 160 тыс. участников, появились угрозы в адрес беженцев [4, 123–137]. О взаимовлиянии offline- и online-идентичности «Пегиды» свидетельствуют данные социологических опросов, проводившихся в Германии.

Демократические модели консоциативной и центростремительной политики сетевой идентичности в Европе показали свою недостаточную эффективность перед рисками миграционных процессов. Консоциативный подход устанавливает режим согласованных гарантий через пропорциональное участие групп граждан в представительных органах власти, тогда как центростремительный подход подразумевает электоральные стимулы, ведущие к компромиссам, коалициям и режиму большинства. Д.Л. Горовиц отмечает уязвимость принципа распределения власти (power sharing) [7, 210–223] в европейских государствах, когда, несмотря на внедрение перечисленных моделей политики идентичности, всё равно встречается нарушение интересов меньшинств, есть склонность к доминированию большинства, недовольного распределением власти не в свою пользу. Аналогичные тенденции проявляются в среде немецких рейхсбюргеров.

По Англосаксонском кластеру наиболее политизированными социальными являются: Facebook (в 5 из 5 изучаемых стран кластера), Twitter (в 3 из 5), YouTube (в 2 из 5) и Instagram (в 1 из 5). К слову, 54% сообществ этого кла-

стера поддерживают вполне патриотический, провластный дискурс, 33% - оппозиционный и 13% - придерживаются радикальных взглядов. Интересно, что проект «Глобальное исследование политизации социальных сетей» выявил увеличение радикальных сетевых сообществв США, когда фиксировались противоречия сетевых политических идентичностей «южан», эклектично связанных с символикой Конфедерации, патриотизмом и расистскими стереотипами (#confederate_flag, #southernpride), и «северян», нетерпимо относящихся к первым. В Австралии есть противоречия антиисламских и исламских сетевых сообществ. Меньше всего конфликтного политизированного дискурса было обнаружено в сетевом сегменте Новой Зеландии.

Анализ Латиноамериканского кластера выявил, что наиболее политизированными социальными сетями оказались: Twitter (в 6 из 7 стран кластера), Facebook (в 3 из 7) и YouTube (в 2 из 7). 81% сообществ этих политизированных социальных сетей симпатизируют провластным силам, 18% - оппозиции и только 1% – радикальнымидеям. Но в той же Венесуэле активны политизированные хакерские сообщества, занимающиеся взломом правительственных сайтов, а в сегменте социальных сетей Мексики и Аргентины популярны идеи анархизма.

Определённым ответом на архаизацию Интернета и рост радикально настроенных фронтёров стала традиционалистская модель политики сетевой идентичности ряда современных государств. И если в европейских странах провластной сетевой идентичностью обладают небольшой процент социальных интернет-сообществ, то в азиатских странах ситуация несколько иная [19]. Для сравнения: по Азиатскому кластерувышли следующие результаты: крупнейшими политизированными социальными сетями оказались Facebook (в 5 из 6 стран кластера), Twitter (в 2 из 6), YouTube (в 1 из 6) и Instagram (в 1 из 6). В них 59% нацелены на поддержку патриотического, провластного дискурса, 35% – оппозиционного и лишь 6% – радикального. Подобное положение вещей стало возможным благодаря целенаправленной политике местных властей на формирование выгодных для себя идентичностей в Интернете. Традиционалистский вариант политики идентичности боролся с радикализацией сетевых сообществ с помощью «управляемой архаизации», включающей организацию диалога с политическими оппонентами, элементы цензуры, обращение к традиционным ценностям, идеологии и т.п.

В Африканском кластере есть своя специфика. Самые политизированные социальные сети этого кластера: Facebook (в 5 из 6 стран кластера), Twitter (в 2 из 6), YouTube (в 1 из 6), Instagram (в 1 из 6). Здесь 41% сетевых сообществ ориентировано на провластные темы, 57% – на оппозиционные и 2% – на радикальные. Как видно, здесь ведётся слабая работа правительств в плане конструирования лояльных сетевых идентичностей.

Всю специфику данных проекта, к сожалению, невозможно показать в рамках одной статьи, поэтому результаты исследования логично для нагляд-

ности свести в таблицу, которая показывает специфику политизированного дискурса пользователей сетей по отношению к власти. Параллельно можно условно обозначить основные виды политических субкультур [19, 57–67], формируемых в сетях на основании дискурса и предпочтений пользователей и создающих условия для конструирования сетевых идентичностей.

Специфика политизированного дискурса пользователей социальных сетей, %

Кластеры	Политические субкультуры		
	Провластная	Оппозиционная	Радикальная
Англосаксонский	54	33	13
Западно-европейский	38	58	4
Латиноамериканский	81	18	1
Азиатский	59	35	6
Африканский	41	57	2

Подводя итоги, важно отметить двойственность феномена сетевой политической идентичности. Во-первых, её парадоксальность обусловлена активной виртуализацией политических отношений, возникновению сетевого фронта и трансформацией offline-образов политики в свои online-аналоги. Во-вторых, в настоящее время наблюдается некоторый «эффект бумеранга», когда искусственно конструируемые сетевые идентичности воздействуют на реальную политическую сферу. Сравнительный анализ первичной виртуализации общества и ответной социализации Интернета показал, что каузальный механизм зарождения сетевых идентичностей не только зависит от наложения offline- и online-политических процессов, но и определяется сетевым праксисом реальных социальных структур, властных элит и виртуальных платформ. Тогда как применение контент-анализа выявило, что современные политические режимы получили новые инструменты для упрочнения собственной легитимности в виде сетевых идентичностей, конструируемых на основе политизированных сообществ социальных сетей. Очевидны и риски архаизации сетевого пространства, которая является антагонистом демократизации и больше проявляется в распространении политической и исторической мифологии, использующейся в своих интересах экстремистскими и террористическими силами.

В этих условиях государственным деятелям и экспертному сообществу современной России необходимо учесть недостатки европейского и американского опыта политики идентичности, изучить кейсы традиционалистской модели конструирования идентичности. Лучшим вариантом будет не шаблонное заимствование чужих рецептов, а разработка собственной макрополитической

сетевой идентичности, включающей патриотический дискурс, а также исторические традиции, героический пантеон и сакральные матрицы, способные консолидировать страну в цивилизационную общность и внести свою лепту в профилактику межэтнических и межрелигиозных противоречий.

Библиографический список

1. Анкерсмит Ф. Политическая репрезентация. М., 2012. [Ankersmit F. *Political Representation*. Moscow, 2012].
2. Ашимова В.А. Постмодернизм как идеологическое и политическое описание мира // Социум и власть. 2015. №5 (55). [Ashimova V.A. Postmodernism as an ideological and political description of the world // *Society and Power*. 2015. No.5 (55)].
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция, пер. с англ. О.А. Печёнкиной. Тула, 2013. [Baudrillard J. *Simulacra and simulation*. Transl. by O.A. Pechenkina. Tula, 2013].
4. Большова Н.Н. «Пегида» как пример массовых протестных движений, возникших в Европе под влиянием миграционного кризиса // Полис. 2016. №3. [Bol'shova N.N. The Rise of Anti-Islamic Protests in Europe under the Refugee Crisis (Case of "Pegida" Movement in Germany) // *Polis. Political Studies*. 2016. No. 3].
5. Болц Н. Алфавит медиа. М., 2011. [Bolz N. *The Alphabet of Media*. Moscow, 2011].
6. Воробьев Д.М. Носитель легитимности (Российская политическая традиция организации социального адреса Власти) // Полис. 2005. №3. [Vorob'ev D.M. The carrier of legitimacy (the Russian political tradition of organization of the Government's social address) // *Polis. Political Studies*. 2005. No. 3].
7. Горовиц Д.Л. Распределение власти в полиэтничных обществах: три большие проблемы // Политическая наука. 2016. №1. [Horowitz D.L. Ethnic power sharing: three big problems // *Political Science (RU)*. 2016. No.1].
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Книга 2. Тысяча плато; пер. с англ. Я.И. Свирского. Екатеринбург, М., 2010. [Deleuze J., Guattari F. *Capitalism and schizophrenia. Book 2. A Thousand Plateau*. Transl. by Ya.I. Svirskiy. Ekaterinburg, Moscow, 2010].
9. Карр Н. Великий переход: что готовит революция облачных технологий. М., 2014. [Carr N. *The Great Transition: what the revolution of cloud technologies is preparing*. Moscow, 2014].
10. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М., 2015. [Keen J. *Democracy and Media Decadence*. Moscow, 2015].
11. Мартынов К. Селфи: между демократизацией медиа и self-коммодификацией // Логос. 2014. №4(100). [Martynov K. *Selfie: between*

- media democratization and self-commodification // *Logos.PhilosophicalLiteraryJournal*. 2014. No. 4 (100)].
12. Морозова Е., Мирошниченко И., Рябченко Н. Фронтير сетевого общества // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. №2. [Morozova E., Miroschnichenko I., Ryabchenko N. The Frontier of network society // *World Economy and International Relations*. 2016. Vol. 60. No. 2].
 13. Печенкина О.А. Этика симулякров Жана Бодрийяра (анализ постмодернистской рецепции этического). Тула, 2011. [Pechenkina O.A. *The ethics of Jean Baudrillard's simulacra (analysis of postmodern ethical reception)*. Tula, 2011].
 14. Савин Л.В., Федорченко С.Н., Шварц О.К. Сетецентрические методы в государственном управлении. М., 2015. [Savin L.V., Fedorchenko S.N., Schwartz O.K. *Network-centric methods in public administration*. Moscow, 2015].
 15. Соловьёв А.И. Государство как производитель политики // *Полис*. 2016. №2. [Solov'ev A.I. The State as Manufacturer of Policy // *Polis. Political Studies*. 2016. No. 2].
 16. Тайцина Э.А. Комментарий Боэция к Порфирию и его роль в истории логики и философии // *Филология и культура*. 2004. №3. [Taisina E.A. Commentary of Boethius to Porphyry and his role in the history of logic and philosophy // *Philology and Culture*. 2004. No. 3].
 17. Тихонова С.В. Социальные сети: проблемы социализации Интернета // *Полис*. 2016. №3. [Tikhonova S.V. Social networks: problems of Internet socialization // *Polis. Political Studies*. 2016. No. 3].
 18. Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // *Политическая наука*. 2016. №2. [Fadeeva L.A. Identity as political science term: research area and cognitive resource // *Political science (RU)*. 2016. No. 2].
 19. Федорченко С.Н. Глобальное исследование политизации социальных сетей // *Обозреватель-Observer*. 2016. №8(319). [Fedorchenko S.N. Global study of social networks politicization // *Obozrevatel-Observer*. 2016. No. 8 (319)].
 20. Федорченко С.Н., Федорченко Л.В. Власть и облачные технологии в России и США // *Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки*. 2016. №2. [Fedorchenko S.N., Fedorchenko L.V. Power and cloud technologies in Russia and United States // *MRSU magazine. Series: History and Political sciences*. 2016. No. 2].
 21. Шестопал Е.Б., Губченко В.А., Джамалудинов Ш.З., Джгамадзе К.Б., Тумысов И.А. Образы Евросоюза в России: проблемы восприятия // *Полис*. 2016. №3. [Shestopal E.B., Gubchenko V.A., Dzhamaludinov Sh.Z., Dzhgamadze K.B., Tumysov I.A. Images of EU in Russia: problem of perception // *Polis. Political Studies*. 2016. No. 3].
 22. Guenno J.M. *La Fin de democratie*. Paris: Flammarion, 1993.

23. Beer D. Power though the algorithm? Participatory web cultures and the technological unconscious // *New Media & Society*. 2009. Vol. 11. No. 6.

POLITICAL IDENTITIES IN SOCIAL NETWORKS OF THE INTERNET

S.N. Fedorchenko

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Moscow, Russia

The article examines the role of political identities in social networks of the Internet. Based on the concept of the frontier, the author opposes the strict separation of online and offline policies and analyzes the formation of network political identities in terms of superimposition of the process of the political segment's virtualization and the oncoming process of the Internet's socialization. Studying the transition of absentees to social communities along with the metamorphosis of the parties and parliamentary institutions, the author defines the modern state as an active designer of pro-government network political identities. The paper considers some of the mechanisms of constructing network identities. In the work, risks of network manipulation and the phenomenon of the authoritarian political simulacrum are given particular consideration. The article also raises the issue of the variability of identity politics models under the parallel processes of democratization and archaization of network communities. For empirical evidence of conceptualizing the phenomenon of network political identity, the author refers to the data of his recent global study of politicization of social networks.

Keywords: network political identity; frontier; state; social networks; Internet.